

ДИАЛОГ

психологический и социально-педагогический журнал

№ 5 (41)
сентябрь
октябрь
2016

Научно-методический журнал

Выходит с января 2013 г.
Периодичность — 1 раз в два месяца

Учредитель и издатель:
республиканское унитарное предприятие
«Издательство “Пачатковая школа”»

Директор, главный редактор издательства
ВАНИНА Ольга Владимировна

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации № 1572 от 28.09.2012,
выдано Министерством информации Республики Беларусь

Главный редактор журнала
ПЕРГАМЕНЩИК Леонид Абламович,
доктор психологических наук, профессор

Редакционная коллегия:

Н. А. ЗАЛЫГИНА,
заместитель главного редактора,
кандидат социологических наук, доцент;
Н. Л. ПУЗЫРЬ,
ответственный редактор, кандидат
психологических наук;
С. Ф. БЕДРИНА, кандидат
социологических наук, доцент;
С. В. ВАШИНА;
С. И. КОПТЕВА, кандидат
психологических наук, доцент;
Г. М. КУЧИНСКИЙ, доктор
психологических наук, профессор;
Т. А. ЛОПАТИК, доктор педагогических
наук, профессор;
Л. Г. ЛЫСЮК, доктор психологических
наук, профессор;
О. В. МАТЮХОВА;
М. Е. МИНОВА;
С. И. НЕВДАХ, кандидат
педагогических наук, доцент;
А. П. ОРЛОВА, доктор педагогических
наук, профессор;
Ю. Г. ФРОЛОВА, кандидат
психологических наук, доцент

Редакционный совет:

А. И. ЗЕЛЕНКОВ,
председатель, доктор философских
наук, профессор;
А. Л. ВЕНГЕР, доктор психологических
наук, профессор (РФ);
Н. Т. ЕРЧАК, доктор психологических
наук, профессор;
Я. Л. КОЛОМИНСКИЙ, доктор
психологических наук, профессор;
А. С. ЛАПТЁНОК, доктор философских
наук;
П. МЕРИНГОЛО, профессор
департамента психологии (Италия);
Р. С. СИДОРЕНКО, кандидат
педагогических наук;
Е. С. СЛЕПОВИЧ, доктор
психологических наук, профессор;
И. А. ФУРМАНОВ, доктор
психологических наук, профессор;
Е. М. ЧЕРЕПАНОВА, доктор психологии
(США);
В. А. ЯНЧУК, доктор психологических
наук, профессор

Роль и значение метафоры в познавательной деятельности

«Чтобы изучать человека в целостности, уникальности, ситуативности, надо согласиться, что, кроме естественно-научного подхода, есть и иной взгляд.

Речь идет о гуманистическом направлении в психологии, которое открыто для использования качественной парадигмы».

Л. А. Пергаменщик

Аннотация. В данной статье раскрываются теоретические положения о метафоре как феномене, обеспечивающем понимание. Обсуждаются вопросы участия метафоры в процессах смыслопорождения и формирования понятийной системы. Уточняются гносеологические возможности метафорической интерпретации и ее влияние на практикуемые дискурсы. Актуальность статьи обнаруживается в рамках кризисной психологии, где использование метафор приобретает существенную ценность посредством их всесторонней деконструкции, которая открывает простор диагностическим и психотерапевтическим действиям, позволяет анализировать отношение человека к себе и миру, вырабатывая специальный язык самоизменения.

Ключевые слова: метафора, метафорическая интерпретация, языковые игры.

Эпистемологический статус метафоры становится сегодня предметом особого рассмотрения в науке — в первую очередь в контексте смены устоявшихся парадигм. Изменение гносеологических ориентаций всецело взаимосвязано с трансформацией *фундаментальных метафор* [9, с. 125], определяющих познавательную деятельность в тот или иной период раз-

Лидия Александровна ВЕРТЫНСКАЯ,

*преподаватель
кафедры
социальной
и семейной
психологии БГПУ
им. Максима Танка*

вития и, как правило, представляющих собой его базовую понятийную систему.

Отношение к употреблению метафоры в научной терминологии и теоретическом тексте менялось в зависимости от многих факторов — от общественного контекста научной и культурной жизни, от философских воззрений разных авторов, от оценки ведущей методологии, от характера научной области, в частности, от взглядов на язык, его сущности и предназначения, наконец, от понимания природы самой метафоры [14, с. 38].

Сегодня принято считать, что метафора функционирует в различных типах познавательной деятельности: обыденном, художественном, научном. Однако признание ее ролевой легитимности произошло сравнительно недавно. Еще в середине XX столетия велись споры

о допустимости использования метафоры в науке и даже — о границах ее присутствия в сфере обыденного познания, хотя роль метафоры в художественной речи (как средства ее украшения) была признана уже в античности.

Первые попытки истолкования метафоры относятся к древности и связываются с именами Аристотеля, Квинтилиана, Цицерона и других, подчеркивающих ее каноничность. С течением времени мнения мыслителей о пользе и вреде метафоры становились все более противоречивыми, попытки решения проблемы ее статуса исследователями то возобновлялись, то прекращались. В эпоху Средневековья во многом сыграли свою роль ученые-позитивисты (Р. Декарт, Г. Лейбниц, Дж. Локк, Т. Гоббс и др.), полагающие использование метафор препятствием для выполнения основной функции языка — выражения мысли, называющие их «блуждающими огнями, туманящими разум» [2, с. 36]. Следуя культу науки, метафору считали недопустимой в научных сочинениях и ее употребление приравнивалось к преступлению. Распространялись идеи о том, что любая наука — это, прежде всего, языковая система, поэтому проблема отличия научных высказываний от ненаучных должна быть решена на лингвистическом уровне [3, с. 32].

Напротив, ученые и философы романтического направления, искавшие истоки языка в эмоциональных и поэтических импульсах человека, считали метафору фатальной неизбежностью, единственным способом не только выражения мысли, но и самого мышления (Ф. Шлегель, Ф. Ницше и др.) [14, с. 41]. «Мы думаем, что знаем кое-что о самих вещах: когда говорим о деревьях, красках, снеге и цветах; на самом деле мы обладаем лишь метафорами вещей, которые совершенно не соответствуют их первоначальным сущностям» [6, с. 396].

Позже эту идею в своем труде «Две великие метафоры» поддержал Х. Ортега-и-Гассет, написав: «Метафора нужна нам не только для того, чтобы благодаря полученному наименованию, сделать мысль доступной для других; она необходима нам самим для того, чтобы объект стал доступен нашей мысли. Метафора не только средство выражения, метафора — еще и важное орудие мышления... при помощи которого нам удается достигнуть самых отдаленных участков нашего концептуального поля. Объекты, к которым близкие, легко постигаемые, открывают мысли доступ к далеким и ускользающим от нас понятиям» [1, с. 71].

Новая волна интереса к метафоре пришла вместе с «лингвистическим поворотом», в рамках которого осуществлялся отказ от концепции языка как логической картины реальности. В разнообразных дискурсах были обнаружены «семейства» более или менее родственных друг другу подвижных и живых систем, практик, которые Л. Витгенштейн назвал языковыми играми [13, с. 5—25]. При этом метафоре стала отводиться роль коммуникативного средства, которое очерчивает границы языковых игр, окружая их смысловое поле «белым шумом» абсурдного словоупотребления, переключая регистры, показывая условность и конвенциональность любой из них. Тем самым обращение к метафорической деконструкции доминирующей репрезентации смысла начало помогать освобождаться от ограничений, наложенных на познавательный процесс [3, с. 17].

Уже в рамках прагматического подхода ученые стали полагать, что явление метафоры лежит за пределами смысла предложения. Так, в своих работах Д. Дэвидсон стремился к артикуляции разницы между тем, что значат слова, и тем, чего достиг говорящий путем использования этих слов [3, с. 20].

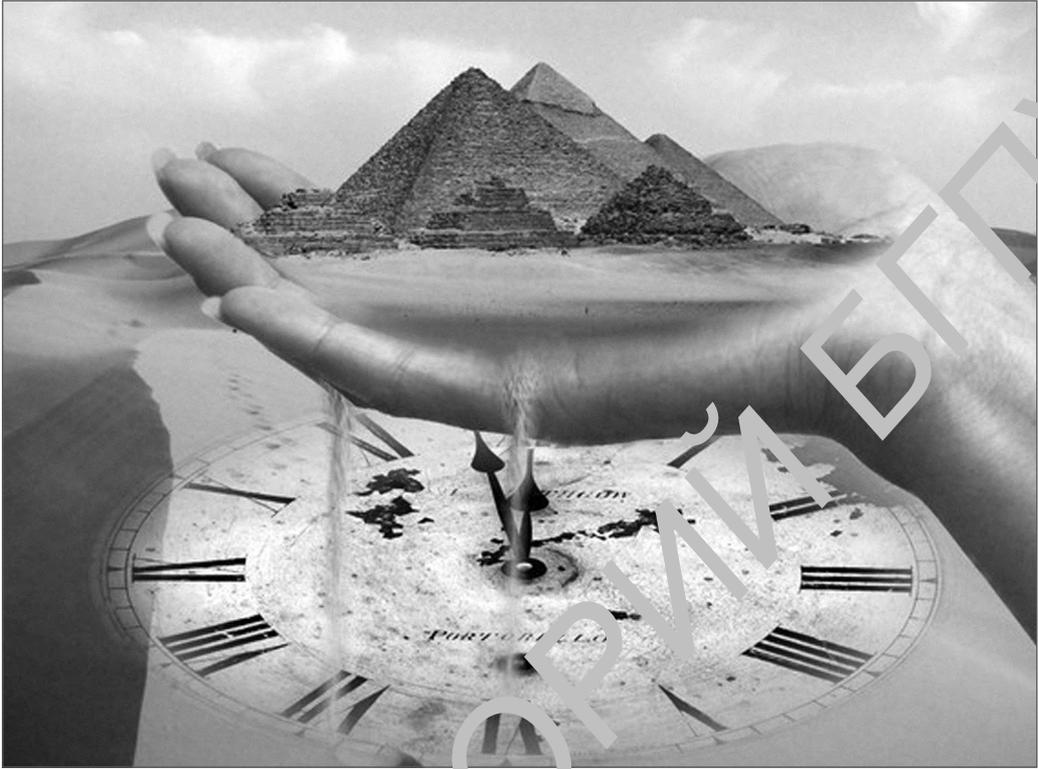
На различении значения предложения и значения говорящего в своих рассуждениях настаивал и Дж. Серль, называя его ключом к пониманию метафоры: «Проблема метафорической интерпретации это не только определение условий истинности высказывания или выявление семантической аномалии, но и включение в процесс понимания всего контекста употребления высказывания, учет ситуации коммуникации, когда от слушающего требуются усилия по достижению общности понимания. В этом смысле механизм функционирования метафоры сопоставим с принципами функционирования иронии, гиперболы и косвенных речевых актов в процессе языковой практики» [11, с. 329].

Такой взгляд на метафору имел весьма существенные последствия.

Стали предприниматься попытки состыковать трудновосприимчивые идеи аналитической теории языка с феноменологическим подходом или концепцией коммуникативной рациональности, противостоящими «когнитивно-инструментальной редукции разума» [8, с. 21]. Одной из таких моделей синтеза в понимании и интерпретации метафоры стала концепция П. Рикера [17, с. 435], появившаяся в постклассическом эпистемологическом пространстве на стыке герменевтической, феноменологической и аналитической традиций. В ней автор описывает метафорический процесс как скрытый процесс порождения семантических категорий путем слияния различий в тождество. По его мнению, сила метафоры состоит в ее способности «ломать существующую категоризацию, чтобы затем на развалинах старых логических границ строить новые» [10, с. 442]. Главное в метафоре — создание семантической инновации, семантического сдвига, переструктурирования семантических полей, в результате которого возникает новое предикативное значение. Так,

П. Рикер подчеркивал значимость моделирующей функции метафоры, которая способна изменять видение мира, способ восприятия вещей, приводя к получению нового знания и его языковому оформлению. Развивая теорию живой метафоры, он рассматривал ее как поток образов, порожденных смыслом, как разрывывание смысла в образы, в том числе в вербальные иконические знаки. Иконичность при этом предполагает контроль над образом с точки зрения смысла, а также использование «живописной» потенции языка. П. Рикер, ссылаясь на Л. Витгенштейна, связывает метафору с феноменом «*зисть как*». «Объяснить метафору — это значит перечислить значения, в рамках которых образ видится как смысл. «Видеть как» — это инвариантное отношение, удерживающее вместе смысл и образ: «*видеть как*» в точности выполняет роль схемы, соединяющей пустой концепт и слепое впечатление; будучи полумыслью, полочувством, оно, это действие-чувство, соединяет ясность мысли с полнотой образа. Невербальное и вербальное, тем самым, тоже оказываются тесно связаны между собой в рамках образной функции языка» [10, с. 452].

Несмотря на большой вклад, который внесли данные подходы в теорию метафоры, они не раскрыли содержание познавательного процесса, в котором рождается культурный смысл. Поэтому в 60-е годы XX века возник пристальный интерес к метафоре с точки зрения ее соотношения с практикой научного исследования. Одним из первых, кто непосредственно связал метафору с научным познанием, был американский логик и философ М. Блэк [1, с. 153]. Согласно его выводам, рассмотрение разных точек зрения на метафору можно свести к трем основным концепциям: 1) субституционной (метафора вместо чего-то); 2) сравнительной (метафора как сокращенное сравнение); 3) интеракционист-

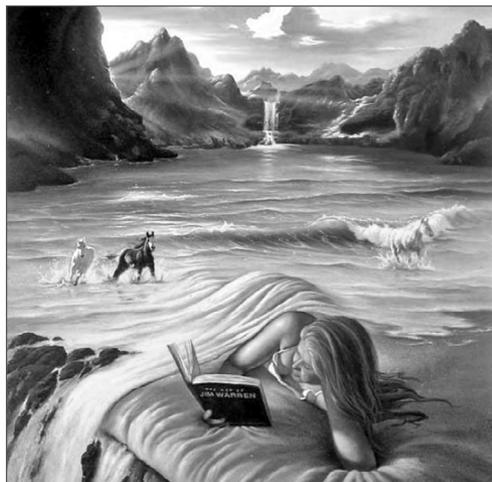

ской (метафора как процесс и результат смыслообразования) [1, с. 161].

Излагая свою интеракционистскую теорию, М. Блэк пишет: «Механизм метафоры заключается в том, что главному субъекту прилагается система ассоциируемых импликаций, связанных со вспомогательным субъектом. Метафора отбирает, выделяет и организует одни, вполне определенные характеристики субъекта и устраняет другие» [1, с. 157]. Это включает за собой сдвиги в значении слов, принадлежащих к той же семье или системе, что и метафорическое выражение, и некоторые из этих сдвигов, хотя и не все, могут быть метафорическими переносами. Критерий метафоричности, сформулированный М. Блэком в рамках интеракционистской теории, заключается в том, что выражение тем в большей степени есть метафора, чем более семантически не-

достижимы возможные миры (описания состояния, контексты словоупотребления), в которых использованные в метафорическом выражении термины употребляются в своем буквальном значении. Для иллюстрации этой идеи М. Блэк применял аналогию с закопченным стеклом, на котором прочерчены линии. Сквозь это стекло можно смотреть на звездное небо, и тогда его образ будет организован конфигурацией этих линий. Метафора представляет собой стекло, а система общепринятых ассоциаций — это линии, образующие рисунок.

Таким образом, метафора как система фильтрации задает определенный способ видения объекта. В процессе образования метафоры происходит объединение в сознании двух предметов или явлений, относящихся к двум отличным друг от друга сферам опыта.

При использовании метафоры усилием сознания устанавливается барьер, например, между миром человека и миром науки, миром природы.

На современном этапе критика интеракционистской теории, по мнению В. Н. Телии [12, с. 33—37], сводится к добавлению в модель метафоры тех или иных компонентов, а также к уточнению их статуса и роли. Вместе с тем — к попыткам ввести в метафорический процесс динамическое начало, идущее от самого субъекта, то есть коммуникативного в своей основе процесса.

В. Н. Телия, не отвергая теорию интеракции, дает свою трактовку: «В метафоре происходит не простое уподобление (сравнение) а своего рода «перетасовка» признаков в процессе интеракции основной сущности и двух вспомогательных, актуализирующихся в буквальном значении, и признаков, ассоциируемых с представлением этого значения, рассматриваемом с точки зрения замысла метафоры» [12, с. 38]. В связи с этим метафора как способ образования нового культурного смысла, нового знания о мире обладает экспрессивно-оценочными и экспрессивно-эстетическими характеристиками.

В рамках изучения когнитивных свойств метафоры как средства образования нового смысла одной из наиболее фундаментальных работ является исследование Э. Маккормака «Когнитивная теория метафоры» [5, с. 138], в котором он дает определение метафоре как некоему познавательному процессу. Э. Маккормак придерживается мнения, что причиной возникновения метафоры является сопоставление семантических концептов, в значительной степени несопоставимых человеческим разумом путем определенных операций. Ключевой момент в механизме метафоры, по Э. Маккормаку, — наличие напряженности. Именно напряженность между значениями и ее лежащим представлением «составляет очарование метафоры». Из сказанного следует, что многие лингвокогнитивные концепции определяли метафору как творческий процесс человеческого познания, который объединяет понятия, в норме не связанные [4, с. 24]. Но метафорический смысл как таковой — это не сама семантическая коллизия, а некоторое новое согласование, поэтому теории отклонения от нормы явно недостаточно для того, чтобы объяснить возникновение нового смысла как нового согласования.

«Метафора имеет место там, где существует пространство невозможного, где еще нет возможности для образования понятий» (Г. Блюменберг). Она выступает орудием научного поиска. В практической речи, дав толчок семантическому процессу, метафора постепенно стирается и в итоге утрачивает образ, на смену которому приходит понятие. Так, «новые метафоры обладают способностью творить новую реальность. Если новая метафора становится частью понятийной системы, служащей основанием нашей действительности, она изменяет эту систему, а также порождаемые ею представления и действия» (Дж. Лакофф, М. Джонсон) [3, с. 31].

Кроме того, в повседневной жизни метафора помогает использовать имеющийся у человека опыт для осмысления вновь приобретаемого опыта [14, с. 54]. Согласно Э. Эриксону, «люди обладают достаточными способностями для того, чтобы разрешить встающие перед ними проблемы. Они развили эти способности и овладели ими в определенном контексте, в котором возникла проблема. Задача заключается в том, чтобы «перенести» знание из одного контекста в другой; что и делается с помощью метафоры» [15, с. 6].

Таким образом, можно сказать, что интерес к метафоре в современных исследованиях свидетельствует о возрастающем понимании ее социокультурной значимости, которая заключается в функциях смыслообразования, самопознания и самовыражения. Метафоры участвуют в процессе формирования новых понятий, изменяют повседневный язык людей, одновременно меняют их восприятие мира и способы его постижения. С помощью углубления в метафорические основания работы сознания происходит попытка определить истоки различных видов человеческой деятельности, прояснить теоретико-символические структуры, в которых закладывается возможность научного, теоретического, рационального отношения к миру [14, с. 55]. Все это позволяет говорить о том, что метафоры транслируют культурный опыт и одновременно являются факторами культурной эволюции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блэк, М. Метафора / М. Блэк // Теория метафоры / сб. : пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. ; под общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. — М. : Прогресс, 1990. — С. 153—172.
2. Гоббс, Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского : в 2 т. / Т. Гоббс. — М. : Мысль, 1991. — Т. 2. — 731 с.
3. Демченко, В. И. Метафора и симулякр как средства конструирования культурной реальности : дис. ... канд. философ. наук : 09.00.13 / В. И. Демченко. — Ставрополь, 2009. — 160 с.
4. Дмитриева, И. А. Метафора как способ познания: логико-гносеологический статус : дис. ... канд. философ. наук : 09.00.01 / И. А. Дмитриева. — Якутск, 2000. — 19 с.
5. Маккормак, Э. Когнитивная теория метафоры / Э. Маккормак // Теория метафоры / сб. : пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. ; под общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. — М. : Прогресс, 1990. — С. 358—386.
6. Ницше, Ф. Об истине, лжи и внеэвangelическом смысле. Полн. собр. соч. : в 13 т. / Ф. Ницше. — М. : Культурная революция, 2005. — Т. 1. — 39 с.
7. Ортега-и-Гассет, Х. Две великие метафоры / Х. Ортега-и-Гассет // Теория метафоры / сб. : пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. ; под общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. — М. : Прогресс, 1990. — С. 68—81.
8. Пшеничникова, Н. В. Метафора как способ постижения реальности : дис. ... канд. философ. наук : 09.00.01 / Н. В. Пшеничникова. — Барнаул, 2006. — 192 с.
9. Решетникова, Е. В. Метафора в постнеклассическом познании : дис. ... канд. философ. наук : 09.00.01 / Е. В. Решетникова. — Омск, 2010. — 176 с.
10. Рикер, П. Живая метафора / П. Рикер // Теория метафоры / сб. : пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. ; под общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. — М. : Прогресс, 1990. — С. 435—455.
11. Серль, Дж. Метафора / Дж. Серль // Теория метафоры / сб. : пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. ; под общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. — М. : Прогресс, 1990. — С. 307—342.
12. Телия, В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. — М. : Наука, 1988. — С. 33.
13. Философские идеи Людвиг Витгенштейна / Российская Академия Наук, Институт философии ; ответ. ред. М. С. Козлова. — М. : ИФРАН, 1996. — 169 с.
14. Хорошильцева, Н. А. Гендерная метафора в современной культуре: дис. ... канд. философ. наук : 09.00.13 / Н. А. Хорошильцева. — Ставрополь, 2003. — 161 с.
15. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон. — М. : Прогресс, 1996. — С. 6.